

ББК 86.32

В.Г. Котов

Женское божество Умай/Хумай: сравнительная характеристика

V.G. Kotov

Female Deity Umai / Humay: Comparative Characteristics

Богиня плодородия Умай как универсальное женское божество алтайских тюрков выступала в роли хозяйки гор, покровительницы охотников, диких зверей, детей и материнства. Зафиксированы две разновидности божества – Белая и Черная Умай, одна дает жизнь, а другая ее отнимает. У восточных тюрков Умай имеет антропоморфный облик и по отдельным косвенным характеристикам можно предположить, что она является солярным божеством и имеет птичий облик. В мифологии предков башкир Хумай – это солярное божество, дева-лебедь, дочь солнца, повелительница страны птиц и супруга героя-первопредка и демиурга Урала. Ее сестра Айхылу (Лунная красавица) является дочерью Луны, девой-уткой, супругой владыки подводного мира Шульгана. В мифологии башкир сохранились наиболее древние образы женских божеств, олицетворяющие солнце и луну еще дошаманского бинарного мировоззрения.

Ключевые слова: урало-алтайская мифология, башкирская мифология, башкирский эпос, женское божество.

Божество Умай занимает одно из центральных мест в тюркском пантеоне и является одним из древнейших. В данной работе сделана попытка обобщения в ходе сравнения этого персонажа в тюркской традиции с женскими божествами в башкирском эпосе.

Богиня плодородия Умай как универсальное женское божество алтайских тюрков выступала в роли хозяйки гор, покровительницы охотников, диких зверей, а также детей и материнства [1, с. 233]. Божество Умай считается покровительницей преимущественно детей и рожениц, и это поверье до сих пор сохранилось у народов Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана (шорцев, кумандинцев, телеутов, хакасов, казахов, киргизов, узбеков). У всех тюркоязычных народов также называется детородный орган и утроба. Буряты, кроме того, так называют пещеру и материнское лоно [2, с. 82].

У хакасов и шорцев словом Умай/Ымай зовется пуповина ребенка и его душа до того момента, когда ребенок начинает быть относительно самостоятельным, т.е. он перестает сосать материнское молоко и начинает свободно ходить и говорить, тогда его душа превращается в Кут. Считалось, что в этот период Умай постоянно находится рядом с ребенком, и если она его покидала, это приводило к болезни и смерти.

Goddess of fertility Umai as a universal female deity of Altai Turks acted as mistress of the mountains, patroness of hunters, wild animals, children and motherhood. They have recorded two species of the white and black goddess Umai, one gives life, while the other takes it. Among the eastern Turks Umai has an anthropomorphic face and on some indirect individual characteristics it can be assumed that it was a solar deity and had a bird's appearance. In mythology, of Bashkir ancestors Humay a solar deity, virgin-Swan, daughter of the sun, ruler of the country's birds and the wife of the hero-ancestor and father of Ural. Her sister Ayhylyu (Lunar Beauty) is daughter of the moon, a virgin-duck, the wife of Lord of the underwater world Shulgan. In Bashkir mythology they have preserved the most ancient images of female deities personifying the Sun and the Moon, going back even to the preshamanistic binary worldview.

Key words: Ural-Altaic mythology, Bashkir's mythology, Bashkir's epos, goddess.

У хакасов существовало поверье, что в тех семьях, где дети не выживали, поселилась Кара-Умай, которую надо изгнать с помощью шамана. Изображение Кара-Умай никто не должен был видеть. Делалось оно в виде куклы из самых грязных тряпок и пряталось под порог, в то время как оберег в виде лука со стрелой прикреплялся к матице потолка. Представления о двух Умай зафиксировано также у шорцев, причем они с Кара-Умай связывали болезни и смерти детей в младенческом возрасте и относили ее к категории злых духов айза, своеобразных «ангелов смерти». Кумандинцы почитали Умай-эне как покровительницу детей и взрослых и божество, помогающее во время родов, доброжелательное к человеку, а также как дочь Ульгена – божества верхнего мира. Телеуты представляли Май-эне как покровительницу деторождения в образе молодой красивой женщины (девицы) с волнистыми серебряными волосами, спустившейся с небес по радуге и охраняющей детей с помощью золотого лука. Узбеки верят, что *Сары-эне* помогает родить, распуская свои длинные *русые* волосы и прикрывая ими роженицу. У киргизов *Умай-эне* покровительствует рождению и защищает детей, обозначает женский детородный орган, при этом почитание Умай переплетается, а местами полностью сливается

с культом *огня*. Призывая огонь, шаманы у телеутов и хакасов обращались к Умай или к «*матери-огонь*» [3]. Это соединение, возможно, связано с почитанием очага как символа Дома и Семьи.

Но оно может иметь другое объяснение, вытекающее из небесной, солярной природы Умай. Это может относиться только с светлой, белой Умай, местом обитания которой должен быть верхний, небесный мир. И это отражено в представлениях хакасов о богине Умай, которая обитает на небе или внутри храма с золотыми дверями на священной горе *Ымай идже*, в облике *белой птички* на кроне березы с золотыми листьями, которая стоит в земле, «где никогда не вянут травы», «где никогда не желтеют деревья» – образ счастливой страны вечной жизни или райской обители [4, с. 96–97, 98, 102, 104]. Описание этой горней страны соответствует нашим представлениям о мировой горе и центре мира, следовательно, его хозяйка является древним божеством верхнего мира, атрибутами которого выступает *солярная* ипостась. Об этом же говорит светозарность богини Умай и ее связь с огнем и богиней огня *От идже*.

По представлениям тюрков Хумай является сказочной птицей, которая гнездится в воздухе (не случайно у народов Средней Азии бытует представление о птице счастья «хума солнца» и «хума счастья»), одновременно словом *хума/хумай* обозначаются птицы, связанные с миром мертвых: птицы-падальщики – сипы и грифы [5, с. 342–343]. Это опять же указывает на отголоски представлений о двух божествах Умай, светлом и темном: одно давало душу-жизнь, другое ее забирало. Следовательно, светлая птица Умай символизировала собой *солнце* (образ светловолосой Сары-эне с распущенными волосами у узбеков и рыжеволосой Умай у алтайцев), а черная Умай могла символизировать *луну*. В соответствии с этой мифологической картиной были помещены амулеты Умай и Кара-Умай в хакасском жилище как образе микрокосма.

Наличие двух владычиц жизни и смерти в древнетюркской мифологии отражает представления о бинарности мироздания, свойственной архаическому этапу мифологического мировоззрения [6]. В этом ключе следует понимать и двойственную природу Хумай в иранском мире.

Между тем М.И. Боргояков считал исходным для Хумай образ водоплавающей птицы (утки, лебедя и др.), который не был заимствован тюрками у иранских народов [7, с. 275–276].

Анализируя образ Умай в тюркской культуре, А.М. Сагалаев приходит к следующему выводу: «сам образ птицы-матери вряд ли мог быть заимствован – столь широко его распространение среди алтайских народов. Он включен в ткань шаманской поэзии, в картину мироздания», причем существует функциональное и образное сходство богини-матери в алтайской и уральской традициях [8, с. 28, 32]. Это заставляет

нас обратиться к южноуральской мифологии, представленной в башкирском эпическом наследии.

В башкирском фольклоре лучезарная дева-лебедь Хумай занимает особое положение в основном только в текстах архаических эпосов с мифологической основой «Урал-батыр» и «Акбузат». Птица Хумай считается прародительницей башкир, что отразилось в тотемическом по своей природе запрете убивать лебедей, причем нарушение каралось небесами немедленно [9, с. 38–39]. Главным отличием Хумай в башкирской традиции, в отличие от восточно-тюркской, является то, что она не имеет никаких функций покровительства деторождения и детей [10, с. 47]. Также нет никакой связи этого образа с шаманской мифологией и обрядностью, поэтому отсутствуют фетиши и какие-либо мобильные изображения Хумай, если не считать обережные височные украшения Волжской Булгарии [11].

В башкирском фольклоре Хумай имеет в основном птичий облик, причем чаще водоплавающей птицы (лебедь, утка, реже – фантастическая гигантская птица). Несомненно, истоки этого образа связаны с эпосом «Урал-батыр» и обликом девы-лебедь Хумай [12]. Анализируя этот персонаж, приходим к выводу о неразрывности его с основными действующими лицами эпоса. Хумай по эпосу – дочь солнца Кояш, и одновременно она сама является заместителем солнца, так как собой и своими распущенными волосами она озаряет весь мир. Ее мать Кояш только упоминается, в то время как все события происходят вокруг нее или в связи с ней. Хумай является фактической хозяйкой счастливой страны птиц (царство Самрау), где люди, птицы и звери живут в мире и достатке. Она проявляет необыкновенные способности, в частности, она может превращаться в птицу-лебедь, ей под силу раскрыть землю, она ясновидящая, бессмертная, ей подвластен белый крылатый конь Акбузат, обитающий на небе. Очевидно, Хумай выступает в эпосе как божество – хозяйка небесного мира и как владычица зверей и птиц (она приводит на Уральскую землю, только что появившуюся из вод потопа, птиц, а ее конь – приводит лошадей), а также она является родоначальницей. Являясь супругой Урал-батыра – демиурга и божества светлого пантеона, она с неизбежностью должна восприниматься как покровительница и подательница жизни и жизненной энергии, плодovitости, благополучия – *Ком'а*. Этим можно объяснить существующее у башкир поверье о связи человеческой души с уткой [13, с. 307] или лебедем [12, с. 264]. Отсюда же происходит представление об идеале женской красоты и женщины как лучезарности [13].

Беспорная ассоциация птицы Хумай в башкирской традиции с солнцем указывает на очень древние мифологические истоки этого образа в связи с мифом о двух водоплавающих птицах – создателях земли и Жизни [14]. В эпосе «Урал-батыр» ее парой является

Айхылу – Лунная Красавица. Их родители Солнце и Луна описываются как первая божественная пара для царя птиц Самрау. Судя по ряду таких вроде бы малозаметных, но существенных моментов, как фактическое дублирование своих родителей, скрытое соперничество из-за Урала, соперничество в яркости между их родителями, Солнцем – Кояш и Луной – Ай, тяготение Айхылу к нижнему, темному миру, замужество с будущим властителем нижнего мира, можно утверждать, что мы имеем дело с двумя мифологическими антиподами – *солнцем и луной*.

Вместе с тем парный образ Хумай и Айхылу свидетельствует не только об их древности, но и о глубинном сходстве с богиней Умай в тюркском мире, которая также имеет две ипостаси, отражающие архаическую бинарную картину мира. О том, что в башкирской мифологии существовали две ипостаси богини-птицы Хумай, косвенно указывает наличие ночной птицы из семейства совиных «Хомай» [16, с. 43]. Это неопровержимо свидетельствует о единых истоках возникновения этих божеств в урало-алтайской традиции. При этом эти образы сохранились в своей первоизначальности как хозяйка двух половин мироздания, причем в птичьем облике.

На этой неразрывной связи данных персонажей и основана их слитность в образе Нэркэс, дочери *подводного повелителя* Шульгана в эпосе «Акбузат», которая совмещает в себе характеристики *девы-солнце* и *лунной* девушки, а также некоторые черты своего прототипа – Хумай (повелевает крылатым белым конем Акбузатом и подводным скотом, принимает облик *золотой утки*, женится на герое, победившем царство дивов-змей, а также проникательна и пр.). Сюжетная линия эпоса «Акбузат» состоит из сватовства героя Хаубана к необыкновенной девушке, которая плавает по озеру Шульган в облике золотой утки в ночь полнолуния. Девушка Айхылу (буквально – Лунная красавица) обладает природой небесного светила-божества: она из лучей и пламени создана, освещает землю, когда распускает волосы, и появление ее в облике золотой утки приурочено к полнолуннию. Герою удастся подстрелить утку, и после непродолжительной борьбы они вместе опускаются на дно озера Шульган во дворец подводного властителя и хозяина потустороннего мира, где обитают демонические существа-драконы и души предков. Там герой приобретает покровительство крылатого коня Акбузата и с его помощью возвращается на землю, совершает земные подвиги и окончательно довершает космогонические деяния своего предка Урал-батыра – побеждает подводного властителя Шульгана и его помощников, а также осушает озеро Шульган до небольших размеров. Перед этим из озера выходит красавица Нэркэс и выводит несметные стада домашнего скота. Таким образом, Нэркэс имеет двойственную природу и принадлежит в равной

степени как к верхнему, так и нижнему миру, что воплощено и в ее атрибуте – золотой утке [12].

Эта же сюжетная линия присутствует в многочисленных вариантах преданий об озере Шульган и в эпосе «Заятуляк и Хыухылу», причем в ряде вариантов эпоса герой встречается с дева на берегу озера, и красавица при этом расчесывает свои длинные волосы гребнем [17]. В финно-угорской традиции широко представлена в текстах о героическом сватовстве дева-русалка и дочь подводного хозяина, расчесывающая волосы на берегу водного источника, которая может иметь облик водоплавающей птицы или лучезарной богини [18].

Кроме того, центральное место в башкирских мифологических эпосах и преданиях занимает противоборство героя с хозяином подводного мира из-за солнечной девы – хозяйки быков, коней и крылатого белого коня. О древности этого сюжета и глубинной связи мифологических традиций свидетельствует присутствие этого сюжета в мифе Вала ведийской мифологии [19]. Такие же древние истоки имеет ассоциация образа птицы и женского образа в духовной культуре народов Средней Азии [20, с. 18]. Все это свидетельствует об архаичности божества Умай-Хумай в мифологической традиции народов Евразии и прежде всего в южно-уральской мифологии, сохранившейся в духовной культуре башкирского народа. Образы Хумай и Айхылу в башкирской мифологии имеют черты солярного и лунарного божеств, выступающих в двоичной ипостаси дев и водоплавающих птиц в рамках тотемической мифологии и дошаманского мировоззрения. Эти мифологические образы, очевидно, восходят к наиболее раннему мировоззренческому пласту: к мифу о ныряющей птице. На этом уровне Хумай имеет черты самостоятельного божества верхнего мира, повелительницы страны птиц и небесного светила. Вторичный пласт в мифологическом эпосе «Урал-батыр» представлен урало-алтайским мифом о двух братьях-демиургах, враждующих из-за посоха [21]. Здесь богиня Хумай и ее сестра Айхылу становятся супругами главных героев в полном соответствии с их принадлежностью к той или иной сферы мироздания. Хумай еще сохраняет функцию божества и хозяйки-повелительницы животных и птиц – она приводит на Урал после потопа животных и птиц, но после исполнения материнской функции ее роль суживается до родоначальницы лебединого племени. В эпосе «Акбузат» под сильным влиянием индоиранской традиции Хумай превратилась в птицу-перевозчика и советника героя, передав все свои черты слитному образу девы-утки Нэркэс. Образ дочери подводного властителя Шульгана лучезарной девы Нэркэс – хозяйки крылатого белого коня, подводных табунов и стад бурых коров, перекликается с характеристиками богини зари Ушас в ведийской традиции, что в совокупности с ведическим сюжетом

последних сцен эпоса «Урал-батыр» говорит о явном смешении южно-уральской мифологии с акватическим мифом предков индоиранцев [22, с. 231–237]. В последующее время, после оттеснения мифологии на задний план, божество Хумай также было забыто

и не получило последующего развития в башкирской традиции. Тем не менее на примере южно-уральской мифологии мы видим первоначальную природу этого божества в мировоззрении урало-алтайских народов.

Библиографический список

1. Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. 1974. – М., 1978.
2. Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. – 1991. – №5.
3. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973.
4. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984.
5. Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в области мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995.
6. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964.
7. Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980.
8. Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск, 1991.
9. Предания и легенды. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. 2.
10. Галин С.А. Башкирский народный эпос. – Уфа, 2004.
11. Котов В.Г. Семантика височных колец Волжской Булгарии // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма) : тез. докл. – Самара, 2000.
12. Эпос. Башкирское народное творчество. – Т. 1. – №1. – Уфа, 1987.
13. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. – Вып. 2. – Пг., 1925.
14. Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок: Формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. – М., 2000.
15. Напольских В.В. Как Вукузё стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. – Ижевск, 1993.
16. Аминев З.Г. Образ Хумай в эпосе «Урал-батыр» // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы IV Всероссийской научной конф. Т. I: Филология. – Уфа, 2010.
17. Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970.
18. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. – М., 2003.
19. Котов В.Г. Южноуральский пласт индоарийской мифологии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000.
20. Горшунова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007.
21. Котов В.Г. Урало-алтайская мифологическая основа башкирского эпоса «Урал-батыр» // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – 2009. – 4/1 (64/1).
22. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. – Уфа, 2006.